

Как и следовало ожидать, старейшина рода Ли не преминул разыграть «праведный гнев». Смачно влепив старухе Ли пощёчину, он велел второму и третьему сыновьям утащить её прочь, а сам принялся рассыпаться в извинениях перед Лун Юем. Наговорив целую гору льстивых слов, тот замолк, ожидая реакции, но Лун Юй лишь брезгливо отмахнулся. Старейшина тут же увёл своих людей, оставив толпу зевак в глубоком разочаровании — те только-только настроились на затяжной скандал.

И как раз в тот миг, когда ропот недовольства начал нарастать...

Вдова Ван, прислонившись к дверному косяку, вдруг расхохоталась. Пока толпа гадала, что на неё нашло, женщина развернулась, скрылась в лавке и через мгновение вышла обратно с сундучком серебра и документом на право владения домом. Она решительно вложила документ в руки Лун Юя и хлопнула по ним ладонью.

— Теперь эта лавка твоя! А я пошла замуж!

Сказала как отрезала — лихо, по-мужски. Даже Лун Юй, выдавший на своём веку всякое, на мгновение опешил.

— Славная женщина, — он едва заметно улыбнулся. Ему всегда нравились такие: те, кто не склоняет голову, не сдаётся и берёт своё боем.

Ши Фэй, услышав это, окончательно впал в ступор. Он уставился на Лун Юя, и в его взгляде появилось нечто странное — он смотрел на того в упор, словно замороженный, и Бог знает, какие мысли роились в его голове.

— Сын, пошли лавку осматривать.

Лун Юй и не думал обращать на него внимание. Подхватив Цзи Ляня, он шагнул в помещение и с грохотом захлопнул дверь, отсекая и любопытную толпу, и ошалевшего уездного начальника, и стражников, которые так и не поняли, зачем их прислали.

Пять дней спустя старая вывеска лавки «Лавка румян» была снята. На её месте красовалась новая:

«Маленькая Бабочка, Туань-эр и Пирожные «Сто вкусов»»

Название было длинным, но перед словами красовались искусно нарисованные бабочка и пышная пампушка. Впрочем, горожане в тонкостях живописи не разбирались и для простоты прозвали заведение — «Пирожные «Сто вкусов»».

Но самое интересное было в объявлении, вывешенном у входа:

«В нашей лавке — сладости на любой вкус. Заказы не принимаются. Какая начинка вам попадётся — дело случая. Людям с дурной кармой и вечным неудачникам вход строго воспрещён!»

Бывшая лавка румян располагалась на перекрёстке двух оживлённых улиц, на самом углу — место проходное, людное. Раньше прохожие могли и мимо пройти, но такая дерзкая надпись заставила многих заглянуть внутрь, чтобы попытаться счастья.

Внутри лавка была тесноватой. На прилавке в ряд стояли квадратные плетёные корзины-пароварки, разделенные на мелкие ячейки. В каждой ячейке лежал белоснежный, мягкий, размером с кулак взрослого мужчины «туань-цзы» — круглый колобок из рисового теста. С виду все они были совершенно одинаковыми, и даже по запаху отличить их было невозможно: от каждой корзины исходил лишь нежный, сладковатый аромат свежего теста.

За три дня работы лавка распродала огромное количество колобков. Кому-то досталась обычная ягодная начинка, кому-то — странная рыба чешуя, а один несчастный и вовсе полыхнул огнём, откусив нечто невероятно острое. Вкусов было великое множество, и если бы кто-то догадался вести статистику, то обнаружил бы: до сих пор ни одному человеку не попались две одинаковые начинки!

Стоит ли говорить, что лавка стала хитом? Слава о ней разлетелась по городу — причудливая популярность. И тут молодой красавец-хозяин вывесил второе объявление:

«Дневная норма — сто штук. Как закончатся — закрываемся. Кто не успел, приходите завтра пораньше».

Горожане снова лишь развели руками. Мир ещё не видывал торговцев, которые так враждовали бы с собственной прибылью! Пусть один колобок стоил двадцать взней — не дешёвка, но и не бог весть какие деньги — но всего сто штук в день? О чём только думает этот юноша!

Впрочем, ворчали они недолго: наперебой кинулись расхватывать товар, боясь, что на их долю не хватит. Сладости были непредсказуемыми, но удивительно вкусными — такими, что невозможно остановиться. Даже обжигающе острые начинки вызвали азарт и желание попробовать ещё. Жаль только, что выбрать вкус самому было нельзя.

К тому же юный помощник лавочника, невозмутимый мальчик, был на редкость миловидным. Как его ни пытались рассмешить — он и бровью не вел. Настоящее развлечение!

Как только последняя, сотая пампушка находила покупателя, Цзи Лянь спрыгивал со своего высокого стула и запирали двери. Обычно торговля заканчивалась уже к полудню. Король Призрачной Ночи искренне не понимал этих людей: чем страннее была начинка, тем охотнее

её расхватывали. Смертные нынче пошли совсем чудные.

Лун Юй же проявлял в этом деле недюжинную долю ехидства. С первого дня он усаживал Цзи Лянь на стул за прилавком, рядом сажал Туань-эр и ставил табличку: «Смотреть можно, трогать — нельзя!»

Это привлекало толпы дам, которые буквально истекали слюной, глядя на «очаровательных деток».

Туань-эр, по обыкновению, безмятежно грызла огромный корж, не обращая внимания на суету. Цзи Ляню же оставалось лишь хранить ледяную мину, отчего женщины так и хотели дотронуться до его пухлых щек.

Наивные! Вы что, всерьёз думали, что до выхода из Подземного мира можно вот так просто дотронуться?

Как бы они ни тянули руки, Туань-эр ловко уворачивалась, а Цзи Лянь смотрел на них так колюче, что смельчаков быстро убавлялось. Женщины лишь обиженно шептались: «Такой маленький, а такой злока, совсем не милый!»

Вслед за зеваками подтягивались и настоящие покупатели, которые со временем превратились в верных поклонников лавки. Для многих это стало своего рода гаданием: купить колобок — первая удача; если вкус нормальный — день будет хорошим; если попадётся что-то изысканное — жди великого везения. Но многим удача не улыбалась — разбирали товар слишком быстро.

Что до начинок, то даже Цзи Лянь не знал, что внутри, пока колобок не оказывался на пару. Да и сам Лун Юй... впрочем, если бы он захотел, то узнал бы, но так было скучнее. В одном из миров-измерений росли плоды «Ста вкусов» — маленькие ягоды, каждая со своим неповторимым наполнением. Штука дерзкая и опасная, ведь никогда не угадаешь, что на языке окажется. Размером они были с приличную сливу — как раз подходили для начинки. Бог знает, сколько их заготовил Лун Юй, но корзины не пустели.

Закончив с уборкой, Цзи Лянь направился во внутренний двор. Лавка с фасада казалась крошечной, но двор за ней был просторным — места для жизни им вполне хватало.

С самого утра Лун Юй варил густой костный бульон, и Туань-эр наотрез отказалась выходить к прилавку. Она несла вахту подле Лун Юя, а вернее — подле кастрюли.

Стоило Цзи Ляню переступить порог, как он увидел Лун Юя, раскладывающего по мискам свежеприготовленную лапшу в наваристом бульоне. Цзи Лянь невольно сглотнул. Он молча отвернулся, проклиная этот умопомрачительный аромат. Неужели он проголодался? Сколько веков он не знал, что такое голод?

— Чего застыл? — Лун Юй искоса взглянул на него. — Опять в облаках витаешь? Садись есть! Потом вместе в город пойдём. Столько дней здесь сидим, а толком ничего и не видели.

Цзи Лянь хотел было сказать, что не голоден, но слова застряли в горле. Хотел сказать, что никуда не пойдёт, но не посмел.

— Братец Цзи Лянь, иди скорее! Это безумно вкусно! — Туань-эр, орудуя тонкими палочками, вовсю уплетала лапшу, смешно хлюпая. Живот её уже округлился, но расстаться с миской она была не в силах.

«Неужели и впрямь так вкусно?» — промелькнуло в голове у Цзи Ляня. Он осторожно попробовал первую ложку и замер. Теперь он понимал, почему Сы Чэнь и Фань Е постоянно приставали к Лун Юю с просьбами что-нибудь приготовить. Это было божественно.

— Не налегай на один бульон! — Лун Юй положил в его миску добрую порцию говядины. — Помню, ты как-то обмолвился, что любишь говяжье мясо. Попробуй, здесь нет запрета на забой скота. Я выбрал молодого телёнка, взял тушу целиком, мяса ещё много. Позже сделаю тебе вяленой говядины в дорогу.

В груди у Цзи Ляня внезапно разлилось странное тепло. Он шмыгнул носом и тихо выдавил:

— Угу.

Тот случайный разговор о любви к говядине случился так давно, что он и сам забыл об этом. Не верилось, что кто-то запомнил такую мелочь. Ощущение того, что о тебе помнят и заботятся, было непривычным, но бесконечно приятным. Словно он всё ещё... жив.

Он поймал себя на этой мысли и невольно улыбнулся. Что хорошего было в его прошлой жизни? Сейчас — сейчас всё было гораздо лучше.

Лун Юй, заметив перемену в его лице, лишь вздохнул и мягко взъерошил его волосы. Он ничего не сказал, а Цзи Лянь не отстранился, только он подозрительно прослезился. То ли тело ребёнка сделало его таким сентиментальным, то ли в глаз что-то попало.

— Я тоже хочу вяленую говядину! — тут же встряла Туань-эр, едва слышав о лакомстве.

— Знаю, знаю, куда же без тебя, — Лун Юй легонько ущипнул её за пухлую щёку. Кожа была мягкой, словно бархат.

Когда с обедом было покончено, Лун Юй призвал марионетку-служу, чтобы та прибрала со стола, и они собрались выйти. Но не успели они переступить порог, как нагрянули гости.

Едва дверь распахнулась, Ши Фэй, уже занёсший руку для стука, неловко замер. Он глуповато хихикнул и уставился на Лун Юя.

— Господин уездный начальник? У вас дело? — Лун Юй прекрасно знал, что тот торчит под дверью, и открыл её именно в этот момент.

— Э-э, так вы, стало быть, гулять собрались? — Ши Фэй замялся, не зная, с чего начать, и в замешательстве почесал затылок.

— Собираемся. Так у вас дело? — Лун Юй кивнул, в точности повторив вопрос.

Ши Фэй уловил в его голосе нотки раздражения и решил бить в лоб:

— У господина есть учёная степень?

— Нет, — Лун Юй никогда не питал почтения к подобным вещам.

— А родовое гнездо ваше в Бяньцзине? — не унимался тот.

— Нет, — родовое гнездо Лун Юя было так далеко, что смертному и не вообразить.

Услышав ответы, Ши Фэй нахмурился:

— В таком случае, позвольте полюбопытствовать, как к вам попали документы на эту землю? — Он пристально посмотрел на Лун Юя. — Насколько мне известно, это владение семьи Инь, чей род ведёт начало из Бяньцзина. Вы же к ним отношения не имеете.

— Род Инь жил в Бяньцзине лишь временно, и было это ещё при прошлой династии. С чего вы взяли, что их корни именно там? — Лун Юй холодно усмехнулся. Эти бумаги я купил когда-то просто забавы ради, давным-давно.

— А? — Ши Фэй окончательно запутался. — Но ваша фамилия ведь не Инь... — пробормотал он себе под нос.

— И что с того, что моя фамилия не Инь? — Лун Юй заговорил ледяным тоном. — Разве это не может быть свадебным даром?

— Но ваша дочка ещё совсем мала... — пролепетал чиновник.

Лун Юй только закатил глаза — такой непроходимой тупости он ещё не встречал.

Цзи Лянь, не выдержав этого цирка, вмешался:

— У моего второго отца фамилия Инь. Он взял в жёны моего папу и преподнёс эту землю в качестве брачного дара. Что вас не устраивает?

— Да всё не устраивает! — стоило мальчику заговорить, как Ши Фэй взорвался. — Какая свадьба! Ему на вид едва за двадцать, откуда у него такой взрослый сын? И вообще, двое мужчин... как они могут родить ребёнка?!

Цзи Лянь и Туань-эр мысленно вздохнули: «Наш Владыка ещё и не такое может, двоих уже явил миру. И какие там "едва за двадцать", глаза разуй, смертный!»

— Эти двое мне не родные, и что с того? А наши дела с супругом — не забота посторонних. К чему такой допрос? Или вы подозреваете, что бумаги краденые? — Лун Юй не сердился по-настоящему, просто этот парень оказался на редкость забавным, и его так и подмывало поддразнить.

— Нет, я просто... — Ши Фэй не успел договорить, Цзи Лянь уже тянул Лун Юя прочь.

— Мы идём гулять или нет? Пошли! — Король Призрачной Ночи не мог спокойно смотреть, как его господин издевается над простаком. Неровен час, дошутятся до какой-нибудь симпатии, и как тогда перед Королем Подземного мира оправдываться?

— Ну всё, всё, не тяни! — Лун Юй, не сопротивляясь, позволил «сыну» увести себя.

Маленький уездный начальник Ши Фэй так и остался стоять на пороге в полном смятении.

Никто из них не заметил, как на столе в комнате тускло блеснула круглая нефритовая подвеска. Миг — и она исчезла, чтобы в то же мгновение появиться на поясе Лун Юя.

<http://bllate.org/book/17558/1713472>